

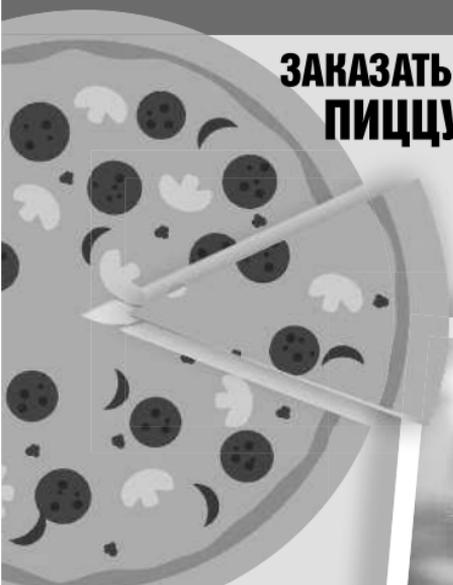

ВЫБИРАЙ

**ЗАКАЗАТЬ ОДИН РАЗ
ПИЦЦУ СЕБЕ**

или

*подарить
прекрасное
настроение
маме*

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

**ПОДПИШИ РОДИТЕЛЕЙ
НА ЛЮБИМУЮ ГАЗЕТУ
В ОДИН КЛИК!**

**СДЕЛАЙ
БЛИЗКИХ
СЧАСТЛИВЕЕ**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина
СЕРОВА

Хирург
дьявола

МОСКВА

2 0 2 0

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Оформление серии *А. Старикова*

Редактор серии *Т. Масленникова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Хирург дьявола / Марина Серова. — Москва :
Эксмо, 2020. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-107863-8

Возле собственного дома убит известный в городе сосудистый хирург Слепнев. По словам близких, зла ему никто не желал и врагов у врача не было. Тем не менее его лучший друг и давний коллега Колесников явно чего-то боится. Но рассказывать о своих страхах он не намерен даже частному детективу Татьяне Ивановой, которую нанимают для поисков убийцы Слепнева...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107863-8

ГЛАВА 1

Илья Петрович Афиногенов стоял в стороне от встречающих. Прилетевшие рейсом Санкт-Петербург — Лондон пассажиры вот-вот должны были появиться в коридоре, ведущем из зала прилета. В руках у него не было таблички с именами тех, кого он ждал, — он не был уверен, но надеялся, что его узнают и без нее.

Он устал. Отпахав ночную смену, оказавшуюся очень беспокойной, Илья Петрович должен был уже пару часов спать в своей квартире, обнимая Лизу, которая тоже трудилась этой ночью. Обычно Илья Петрович даже не ел после работы, стараясь не перегружать организм. В редких случаях мог позволить себе чай с бутербродом, не более. Да и не хотелось, если честно. Тело требовало отдыха, и только сон мог избавить его от физической усталости и картинок с изображениями распоротых человеческих тел, которые часто застревали в памяти.

Но сегодня все было иначе. Он собрался, настроился и после работы, заскочив домой на полчаса, чтобы принять душ и переодеться, взял такси и поехал в аэропорт.

Он все предусмотрел заранее. Договорился с Пэркинсом о двух выходных, потому что понимал — ребят не получится в первые дни оставить без присмотра. Пусть здесь красиво, удивительно, обустроено, пусть по мостовым ступали ноги великих королей, а Темза дарит нежные поцелуи набережной, вдоль которой вытянулось закостеневшее здание Парламента, но все это сейчас никак не поможет тем, кого он встречал. Кто-то должен был гасить их восторги.

В руках Афиногенов держал два стакана с горячим чаем, которые купил уже в Хитроу. Ему не терпелось поскорее увидеть тех, которые, как он полагал, теперь будут ему по гроб жизни обязаны.

Из коридора показались первые пассажиры. Не спеша потянулись друг за другом, вскидывали руки в приветствиях, обнимались. Кто-то из прилетевших выглядел усталым, кто-то топал с бодрым видом. Илья Петрович подошел ближе к ограждению.

Он увидел их раньше, чем они заметили его.

— Андрей! Сережа! — крикнул он, но ни первый, ни второй его не услышали. Как он и думал, им было не до того — уж слишком много эмоций и впечатлений на них обрушилось. И это ведь они еще город не видели.

— Слепнев, Колесников! — повысил голос Илья Петрович. — Я на девять часов, эй!

Услышав свои фамилии, произнесенные очень знакомым голосом, Андрей Слепнев

и Сергей Колесников наконец опомнились и одновременно повернули головы в сторону Афиногенова.

— Здравсьте! — расплылся Андрей, подходя к нему. — А вот и мы.

— Вижу, — улыбнулся Афиногенов. — Рад видеть. Ну как? Вы-то сами в порядке?

Он рассматривал их, а в голове уже выстраивалось: куда их сначала везти, какой дорогой, о чем предупредить, что рассказать. Ехать можно было или сразу на работу, или сначала в квартиру, ключи от которой лежали у Афиногенова в кармане. Был еще и третий вариант — завалиться в паб, взять по пинте темного, и там, не сдувая пену, уже обо всем поговорить.

— Так, — сказал Афиногенов, когда радость от встречи слегка улеглась, — предлагаю сначала решить вопросы с работой и проживанием. А потом все остальное. Я в клинике договорился, что мы начнем через два дня, прямо с понедельника. Вместе. Со мной проще будет, полагаю.

— Правильно полагаете, — согласился с ним Андрей. — Мы не против.

— Вам рулить, Илья Петрович, — поддержал друга Сергей. — Мы на все готовы.

— Если честно, я и сам сначала долго в себя приходил, — обвел взглядом терминал Афиногенов. — А теперь вот по привычке как-то. Да и времени на акклиматизацию не оставили, работать начал сразу же.

— Неужели ко всему *этому* можно привыкнуть? — удивился Андрей.

— Поверь мне, мой мальчик, — Илья Петрович по-отечески положил ему на плечо руку. — Поверь старому лекарю...

— У нас с вами разница в возрасте всего семь лет, — напомнил Илье Петровичу Сергей. — И мы уже не в универе.

— Предлагаешь перейти на «ты»?

— А можно? — обнаглел Сергей. Все это время Слепнев с восхищением смотрел на друга.

— Забываешься, — холодно оборвал его Афиногенов.

От этих слов Колесников похолодел. Не хватало все испортить, еще не ступив на английский асфальт.

— Успокойся уже, — рассмеялся Илья Петрович. — В каком-то смысле ты прав. «Выкаты» мы могли во время учебы, сейчас же это время прошло. И да, я не намного старше... Но советую все же держать дистанцию. Хотя бы первое время.

Колесников прикусил язык. Шутка могла обернуться проблемой.

— Пошли отсюда, — улыбнулся Афиногенов. — Получим ваш багаж, а потом вон в ту дверь — на свободу. Такси сюда не приедет. Не поверите, но для этого нужно выйти на улицу. И заберите свой чай наконец.

Илья Петрович отвез будущих коллег в клинику, где их уже ждал заведующий отделением неотложной помощи Джошуа Пэркинс. После

непродолжительного собеседования, во время которого Афиногенов поработал и протеже юных специалистов, и их же переводчиком, Пэркинс сообщил двум взволнованным молодым хирургам, что он будет рад разделить с ними все тяготы, которые им подбрасывает местное здравоохранение. Сообщил, что они будут работать в смене со своим соотечественником Ильей Афиногеновым. По его же просьбе. И тот факт, что Афиногенов станет присматривать за ними на первых порах, несомненно, в хорошем смысле скажется на качестве их работы — бригада врачей, как показал богатый опыт Пэркинса, говорящих на одном языке, выдает результаты на порядок выше тех, кто иногда так и не может договориться между собой.

Андрей Слепнев и Сергей Колесников подписали необходимые документы, получили по пластиковой оранжевой карточке-пропуску и, не чуя ног, покинули кабинет. Афиногенов же задержался, попросив ребят подождать его в коридоре.

— Ну, что скажешь? — обратился он к заведующему отделением неотложной помощи. — Как первое впечатление?

Илья Петрович работал в Лондоне уже четыре года. За это время он успел попробовать разные специальности; некоторые приходилось осваивать прямо на ходу. Он уже протестировал себя в неотложной хирургии, вел прием как терапевт, пару раз ассистировал дежурному офтальмологу и даже умудрился принять

роды, начавшиеся у будущей мамочки прямо в автобусе. К моменту, когда роженицу доставили в палату, ребенок неистово рвался на волю уже два часа, времени на обследования не было, свободных врачей рядом тоже не оказалось. И пока не подоспела акушерская помощь, Илье Петровичу пришлось работать в прямом смысле между ног истошно матерящейся роженицы. В тот раз он справился в одиночку. Вышло у него блестяще.

— Ты не в претензии, что я сразу поставил их в неотложку? — спросил Пэркинс. — Они же в хирургию рвались, ты говорил?

— Не то чтобы рвались, но один из них абсолютно точно будет полезнее в операционной, чем в неотложке, — пояснил Илья Петрович. — Но мне они нужны рядом, да и тебе легче будет.

— На кого из них делаешь ставку? — решил уточнить Пэркинс.

— Слепнев. Светлые волосы, серые глаза. Сидел слева. Талантливый. Трудолюбивый. Все схватывает на лету. За него могу поручиться. За другого, впрочем, тоже.

— Запомню, — кивнул Пэркинс. — Но сначала все же пусть побудут в отделении экстренной помощи, прокачают стрессоустойчивость, понахватаются всякого. А потом уже привлекай. Разберешься. И английский... боже, Илья, какой же слабый у них английский!

— Это от волнения, — пояснил Афиногенов. — Дай людям расправить крылья, загово-

рят так, что не остановишь. Им нужно время. Вспомни меня.

— Главное, чтобы лишнего не болтали.

— Не будут. Я бы неумных и косоруких тебе не подсунул, — усмехнулся Афиногенов. — У меня же учились. А я, без ложной скромности... умею. Ты же не будешь спорить?

— Не буду.

— Обещаю следить за тем, чтобы не тянули в рот всякую гадость, — продолжил Илья Петрович. — Но ты все же присмотришься к обоим.

— А что со вторым? Как там его... — шелкнул пальцами Пэркинс.

— Сергей Колесников, — напомнил Афиногенов. — Плохо помню его слабые стороны. А это говорит о том, что они вряд ли есть. Слепнев и Колесников дружат с первого курса, я вел их группу весь учебный период. Толковые ребята. Со Слепневым приходилось чаще общаться, парень лез с вопросами, подсовывал какие-то научные статьи, ему было интересно выйти за рамки программы. Колесников же не сильно стремился расширять свои горизонты. Ему было достаточно того, о чем он узнавал на лекциях. Этакая рабочая лошадка, если ты понимаешь, о чем я. Скажем так: Слепнев, увидев порез на пальце, предложит пять способов обеззараживания раны, приплетет альтернативные методы лечения, сошлется на результаты новейших научных исследований, будет уговаривать лечь в стационар и пройти множество обследований, в том числе полный набор

МРТ и анализ на генетические мутации, а на прощание пропишет пострадавшему постельный режим, курс антибиотиков, жесткую диету и смену места жительства из-за неблагоприятного климата.

У Пэркинса ни одна мышца лица не дрогнула.

— Надеюсь, ты не шутишь, — произнес он. — Ему бы в штат к королеве.

— Может, и до такого опустится, — ухмыльнувшись, пожал плечами Илья Петрович. — Но я бы не хотел его терять. Он мне нужен. Он нужен тебе.

— А что же второй? — снял очки Пэркинс. — Как он будет лечить порез?

— Он посоветует промыть рану водой с мылом и протянет вам пластырь.

— Однако. Какие разные подходы к решению проблемы.

— И оба будут правы, — развел руками Афиногенов. — Только пациенты тоже ведь разные попадают, согласись. Не каждый будет выполнять рекомендации врача. Так что оба они хороши, только каждый по-своему.

— Ладно, опекун, — подытожил Пэркинс. — Решили. Заселяй их, объясняй все, а в понедельник жду вас втроем в неотложке. Прямо с утра подойдете к дежурному, он все им объяснит, а там посмотрим. И скажи им, что их проживание клиника не будет оплачивать вечно. Пусть не сорят деньгами, которые у них появятся. Пусть будут готовы. У них есть семьи?

— Слепнев женат, имеет сына. Жена тоже медик, но из-за ребенка решила остаться в России, — ответил Афиногенов. — Не знаю, приедет ли к мужу. А вот Колесников как раз свободен. Но у него на родине остались родители. Насколько я в курсе, он не планирует их сюда перевозить.

Джошуа Пэркинс был врачом от бога. И психологом, каких поискать. За тридцать два года работы в клинике ему довелось пообщаться с множеством коллег, и с дилетантами в том числе. Став руководителем, он тщательно отбирал в штат специалистов и старался внимательно следить за каждым. Поэтому он с некоторой опаской отнесся к просьбе своего русского приятеля Ильи Петровича Афиногенова рассмотреть кандидатуры его бывших студентов. Получалось, что он был лишен возможности проверить обоих на знание своего дела до того, как примет их на работу. Но, по словам Афиногенова, это были врачи, которым просто была нужна возможность проявить свои врачебные таланты и умения. На родине, заметил Илья Петрович, у них было маловато перспектив. К тому же они не мнят себя звездами, а это значит, что их устроила бы и невысокая заработная плата. Для начала. Это же удобно для клиники, разве нет?

Джошуа Пэркинс пораскинул мозгами и дал добро. Илья Петрович смог убедить его в том, что он не пожалеет о принятом решении. И Пэркинс решил рискнуть.

Афиногенов же подошел к ожидавшим его ребятам и сообщил им, что сейчас же покажет им клинику, а потом можно будет выдохнуть.

* * *

К десяти-одиннадцати часам вечера в главном корпусе становилось гораздо спокойнее, чем днем. Вновь прибывших пациентов к этому времени уже успевали осмотреть, переодеть, откалибровать по диагнозам, раскидать по палатам и оставить в относительном покое. Но «тяжелые» были всегда. Однако операционные и дежурные бригады хирургов держали руку на пульсе — могло случиться все, что угодно.

Рядом с главным корпусом находилось двухэтажное здание, давным-давно отданное под приемную. Отделение неотложки сформировалось тут же. Главный корпус и приемную соединял широкий коридор без окон, предназначенный для транспортировки пациентов. Со временем врачи стали пользоваться лифтом, удачно внедренным прямо в приемном отделении, и про коридор благополучно забыли. В отделении неотложной помощи постоянно кипела жизнь. Если, конечно, кто-то еще имел счастье прибыть сюда живым — скончавшихся на пути в клинику тоже было немало. Несложные операции проводились и в приемном покое, делались здесь и более серьезные вмешательства, но только если диагноз пациента не терпел отлагательств. Поставленная в карточке

отметка «срочно» давала врачам приемного покоя абсолютное разрешение на спасение чьей-либо жизни в условиях, приближенных к полевым. Эта отметка сигнализировала о том, что времени на спасение жизни осталось в обрез. Ставить эту надпись на карточке пациента придумал основатель и самый первый владелец клиники профессор Эдвард Винтер, который благополучно отошел от дел, а заодно и в мир иной много лет назад в одной из палат главного корпуса. И какие бы перемены впоследствии ни коснулись этой клиники, сколько бы перестроек и ремонтов ни переживали корпуса, сколько бы душ населения ни приняли медики, но пометка «срочно», представлявшая собой красную галочку, которая ставилась в правом верхнем углу анкеты пациента, все так же, как и полвека назад, взывала о том, что этот пациент должен быть принят вне очереди.

Сразу же после разговора с Пэркинсом Афиногенов провел экскурсию по главному корпусу, попутно знакомя бывших студентов с теми, с кем им предстояло работать.

— Обычно приходится торчать в смене с одними и теми же, — объяснил он. — Сейчас как раз не наша смена. Но и этих людей нужно знать в лицо. Придется сталкиваться. Может, с кем-то подружитесь. Но, как показывает мой опыт, соединиться на века не получится. Вы навсегда останетесь рабочими из другой страны. Запомните это.